

Юлия ДОБРОВОЛЬСКАЯ

НОЧНОЕ ТАКСИ

Киноповесть

18+

A night cityscape with streetlights and a building. The sky is dark blue, and the city lights are visible in the foreground. A building with a red sign is prominent on the left. The overall mood is dark and atmospheric.

Юлия Добровольская
Ночное такси. Киноповесть

«ЛитРес: Самиздат»

2002

Добровольская Ю.

Ночное такси. Киноповесть / Ю. Добровольская — «ЛитРес: Самиздат», 2002

Все мои истории – о сложностях и радостях человеческих взаимоотношений. Я не сужу своих героев – не осуждаю и не одобряю – я их наблюдаю. В моей прозе нет ничего об интригах, предательствах, мести, зависти и прочих явлениях, бытующих в среде спящей части человечества. Здесь – совсем о других людях. О тех, кто понимает, что нет несчастий и врагов, а есть лишь чудеса и ангелы. О тех, чья жизнь – это рост, а не увядание, и смерть – это продолжение, а не конец.

© Добровольская Ю., 2002

© ЛитРес: Самиздат, 2002

НОЧНОЕ ТАКСИ

Киноповесть.

Середина девяностых.

Лето. За полночь.

Широкий проспект. Огни и шум большого города создают атмосферу если не праздника, то отдыха от дневного напряжения и суеты.

Тротуар отделён от проезжей части рядом больших деревьев и клумбами с цветами.

Под знаком "стоянка такси" – несколько машин с зажжёнными "гребешками". Последней стоит серебристо-белая "альфа-ромео". Постепенно стоящие впереди автомобили разъезжаются, забирая пассажиров, и "альфа-ромео" занимает место первого.

Водитель – худощавый мужчина средних лет, одетый в джинсы и джинсовый жилет поверх клетчатой рубашки с закатанными ниже локтя рукавами. Он сидит, откинувшись на спинку и положив руки на затылок.

Его лицо – лицо человека пережившего или переживающего какую-то драму, и при этом явного интроверта: чуть сдвинутые тёмные густые брови; плотно сжатые губы; взгляд, направленный в себя. У него приятная мужественная наружность, его жесты размерены и скупы.

Тихо звучащая из приёмника музыка сменяется тирадой ди-джея, а та – песней со словами "... что никто никогда не любил тебя так, как я..."

Голос мужчины – тихий, низкий, почти без эмоций, бесцветный – обращён к себе. Речь прерывается долгими паузами.

"И меня никто не любил, как ты... И я никого не любил, как тебя... А теперь я не знаю, люблю ли?.. Правда, не знаю.

Раньше знал – я люблю, ты любишь... мы любим. Порой дыхание перехватывало... И привыкнуть невозможно было. День начинался тобой... я начинался тобой... жизнь начиналась тобой.

Теперь – тебя нет, меня нет... И только жизнь начинается каждый день. А к этому, оказалось, привыкаешь... Инстинкт самосохранения, как сказала бы ты... Чтобы не сойти с ума, не покончить с собой... Просто принять и привыкнуть.

Только почему?.. Почему!?. Кто это придумал? За что?.. Или для чего?.. Есть надежда... А стоит ли цепляться за неё? Может, лучше не расслабляться?..

Скоро твой праздник... Неужели последний?.."

Мужчина встряхивает головой, пытаясь прогнать тяжёлые мысли, проводит ладонями по лицу.

Снова жизнерадостный голос ди-джея молотит какую-то чепуху. Мужчина выключает приёмник.

К машине подходят четверо подростков – обритых наголо и одетых по-спортивному в майки и кроссовки.

– Шеф, свободен?

– Куда?

– На Озёрную и назад. Только быстро, шеф!

– Без "шеф" и без "быстро". И деньги – вперёд.

– А чё это – вперёд? Вернёмся – заплачу.

– Я знаю, как вы платите, когда вернёмся.

Один из них достаёт несколько купюр и показывает водителю. Тон его несколько любезней, чем вначале:

– Вот. Деньги есть, если не верите.

– Вот и заплати вперёд. А повезу только одного.

Другой напирает, но тоже сбавив тон:

– А чё за правила? Ехать надо. Да поскорей. – Он пытается открыть дверцу.

– Ладно, только вон того милиционера прихватим... Это я себе безопасность обеспечиваю.

При этих словах подростки озираются и быстро скрываются.

«Неужели, побалуются и бросят?.. Женятся, детей заведут?..

Не верится. Откурят мозги, или отколют, и кончат, в лучшем случае, в тюрьме.

Когда я узнал впервые про наркотики? Пожалуй, вместе со страной... Хотя, нет, раньше – в армии. Да и то – намёками. Ходили слухи, что двоих в дисбат турнули, за то, что курили что-то не то...»

Издали приближается стройная, ярко одетая девушка. Раскованной походкой направляется к машине.

"Что, длинноногая, красивая, кто ж тебя одну посреди ночи бросил?..»

– Шеф, свободен?

– Куда Вам, девушка?

– Да могу и с тобой, если деньги есть. Тачка-то твоя – ничего себе.

– А... сколько мне надо иметь?

– Если у тебя на хате – стольник. Если ко мне – полтора... Можно в машине, по-быстрому, тогда – полтинник.

– А ты дорогая!

– А ты дешёвку предпочитаешь? Езжай на вокзал. Там за банку белой – без проблем. Только руками не трогай, – грубо смеётся, – а то потом лечиться будешь, не вылечишься. А я со справочкой... Ну, давай. Ты мне уже понравился – грудь у тебя волосатая и руки большие... Я это люблю. Заведусь – не отпустишь! Я денег зря не беру. А?

– Уговорила. Вот только за деньгами смотаюсь – весь год на отпуск копил. Гуляем на все пятьдесят зелёных. Жди. Я вернусь!

Он заводит мотор и медленно трогается с места.

– Козёл!

Девушка уходит.

"Конечно, козёл. Сразу не понял, что в таких нарядах среди ночи к маме в гости не ездят. И домой к мужу тоже..."

К стоянке приближается прилично одетый мужчина средних лет с длинной розой в руке. Он изрядно навеселе, но держится. Машет рукой. Машина останавливается.

"А вот... вот к жене – в любом виде можно вернуться, и в любое время. На то она и жена..."

– И куда нам?

– Д-друг... Дай сяду, потом скажу... Ой, моя роза! Не сломай... – Он с трудом усаживается и откидывается облегченно на спинку кресла.

– Где обитаем?

– А-а?

– Где ждут тебя? Куда едем?

– Г-главный Проспект...

– Мы и так на Главном.

– В конец... сосорок... ссо сорок семь – и-ик! Прости, друг. Прости, шеф... Сто сорок семь а-а-а-ик! А – в смысле, дом "а". Сто сорок семь "а". – Наконец удаётся ему вся фраза.

– Деньги есть?

– Обижаешь, ше-е-еф... Во – видишь? – тычет водителю в лицо цветком.

– Это роза, а я за деньги работаю.

– Да... Правильно... Это роза. А ты знаешь, скока она... и-и-к! стоит? Не-е-т, не зна-а-аешь... Шеф, будь другом, угости сигаретой, я враз протрезвею...

– На, держи... Извини, не мальборо, к твоей розе не очень подходят... Так что у нас с деньгами?

Пассажир с наслаждением затягивается раз, другой и на глазах приходит в себя.

– Шеф, вот... кошелёк, возьми сам. Можешь зелёными. Мы сегодня объект сдали. Так нам по договору нашими дали, а премию – зелёными... Я вот жене розу купил... Хороша, а?

– Хороша. Положи сзади, а то поломаешь. Кошелёк возьми. Приедем – по счётчику заплатишь.

Включает мотор, трогается с места.

– Спасибо, шеф. Это ты здорово с розой сообразил...

– Если не затруднит, не называй меня шеф.

– Ну мне же надо тебя как-то называть. Ехать нам далеко, ха-ха!.. – Пассажиру явно легче, он расположен к общению.

– Лев.

– Класс! Шеф по имени Лев. Жене расскажу. Ну ты прости, это я так – забавно... Вишь, я уже рифму чувствую, трезвею, значит. Может, к дому совсем... и-и-к! протрезвею. Жену жалко... Я – сволочь! А как тут, ёлы, по-другому?.. Ты, ш... то есть, Лев, знаешь, что такое стройка? А-а-а... Не знаешь! А я уже двадцать два года строю. Раньше-то было – страх. А сейчас – просто ужас! Материалы дорогие, заказчики – звери: им еврокачество подавай! А работы-то у нас те же остались. А их как учили – плюс-минус пол-лаптя на допуски-припуски... Да что я тебе рассказываю! Ты, поди, на потолок иногда смотришь? Или всё жена больше? А? Ха-аха-ха... Ты прости, Лев, это я по-нашему, по-простому пошутил... Ты-то человек интеллигентный, я ж вижу... А у тебя жена есть? А, ну да – кольцо вон... Хорошая жена? А?

– Хорошая.

– Прости, Лев, я лезу к тебе с базарами. Мне-то хорошо – я поел, выпил. Банкет у нас был. Заказчик нас гулял – доволен остался... Ты-то небось голодный?.. Слушай, у меня идея! Пошли в ресторан – я угощаю. Едем! Около моего дома есть ночной. Я, правда, там не ел, но заходил – красиво... Только не говори "нет" – обидишь. А прораба обижать нельзя. Прораб и так жизнью обижен... Знаешь, у нас в институте шутка гуляла: было у отца три сына, двое умных, а третий в строители пошёл!.. Ах-ха-ха!.. Ну что, Лев, гуляем?

– Конечно, нет.

– Ну просил же, как человека...

– Моя жена не поймёт. Да и твоя тоже. Волнуется, наверняка. Ты вон ей розу везёшь, она ж завянет.

– Мы и твоей купим!.. Я куплю... Ну, как бы, от тебя.

– Уговорил. Только сперва заезжаешь домой, отдаёшь розу, а потом едем кутить.

– О кей, Лев! Вон там – направо, во двор. Вот к этому дому... Хороший ты мужик, Лев. Наш мужик. Кто прораба понимает – наш мужик!.. Стой! Мы кутить идём, так? Жена с нами не пойдёт – не любит она рестораны. Я должен ей купить бутылку амаретто. Просто обожает амаретто... А я – нет. Шампунь какой-то... Давай, друг, мотнёмся, я плачу. Это как раз около ресторана нашего с тобой...

Машина разворачивается, выезжает из двора. Подъезжает к небольшому магазину. Пассажир выходит более уверенной походкой, чем прежде. Направляется к магазину.

Возвращается с двумя плоскими тёмными бутылками.

– Всё о кей, Лев. Вот это – моей, а это – твоей. Твоя любит амаретто? Я купил, думаю, все бабы амаретто любят... И розу я отдам твоей, а своей завтра ещё куплю.

Машина возвращается во двор. Около подъезда нервно ходит женщина в накинута на плечи кофте, в брюках и тапочках.

– О! Тормози, Лев. Что это моя во дворе делает? – Он выходит и неуклюже обнимает женщину. – Марин, ты чё это тут делаешь?

– Живой? И не ограбили? Или как в прошлый раз?

– Не, Марин, вот смотри – кошелёк, деньги... Это нам сегодня дали. Ах, ёлки, даже заначку не успел сделать, всё в кошелёк положил...

– В прошлый раз только заначка и осталась цела... Сколько он Вам должен?

– Не-е-е, Марин, ты кошелёчек-то отдай. Мы с Львом идём поговорить. Вот это тебе, Марин. – Отдаёт ей бутылку. – Я же помню, ты любишь... Я тут тебе ещё розу купил, но решил её отдать жене Льва. Он – хороший мужик, Марин, наш мужик... Я тебе завтра три куплю. Ладно, Марин? Ты не обижайся, а мы пойдём...

– Завтра с Львом поговоришь... Поблагодари, что возился с тобой, да по счётчику взял...

Лев отдаёт пассажиру розу и бутылку:

– Иди, друг, домой. Не собирался я в ресторан идти, мне работать надо.

– А ты – подле-е-ец! Я думал, ты наш мужик, а ты – подлец. Обманом меня бабе сдал, а сам – поехал! Эх ты... Розу возьми и ликёр, а то я вспыльчивый – и об асфальт могу! Ну?..

– Вспыльчивый, пошли домой, отстань от человека. Я уже не знала, что думать: сижу, жду, машина подъезжает, смотрю – ты сидишь. Потом – развернулась, уезжает. Я номер запомнила, думаю, если через пять минут не вернётся, в милицию звоню... Потом – смотрю, едешь.. Спасибо Вам, извините... Пошли, вспыльчивый...

– Ладно, Лёва, прощаю. Скажи спасибо жене моей – она всегда меня успокоить может. Она хорошая у меня... Ты, Марин, самая хорошая... Только, Лёва, розу с амареттой возьми.

– Не возьму. У меня жена в отпуске. Ты своей покупал, вот и отдай ей.

– Ладно... Марин, вишь, какой Лев хороший мужик, я ж говорил, наш мужик... На розу, Марин. А бутылку, Лёва, разобью, если не возьмёшь.

– Возьмите, пожалуйста. И спасибо Вам... Пошли, вспыльчивый...

Они уходят.

Лев садится в машину, выезжает из двора и медленно едет по проспекту.

"Хороший ты мужик, прораб. И жена у тебя хорошая. И не боится..."

Машину останавливает молодой мужчина, коротко стриженный, в спортивном ярком костюме.

– Куда Вам?

– В начало проспекта, там ресторан есть, заберём одного человека – и назад.

– Маршрут сложный, деньги вперёд.

- Без проблем! Держи. Зелёными пойдёт?
- Садится в машину. Едут молча. Тихо звучит музыка.
- Шеф, курить можно?.. Спасибо.

Через некоторое время, заметив одинокую покачивающуюся фигуру, пассажир останавливает машину и выходит.

– Э-э... ты куда пошла? – он хватается за руку раздетую нетрезвую девицу и заталкивает её в машину. – Едем назад, шеф. А ты, гадость, куда это? Нажралась... Деньги взяла? ...

– Не надо ругаться, а то не поедим дальше.

– Ладно, шеф... А ты мне сейчас всё расскажешь. Деньги покажи! Стерва... Как работать будешь? Говорил, не напивайся, клиент ждать будет. Ща получишь у меня напатыря – мало не покажется!.. Сиди, не рыпайся! Как дал бы по морде... Сюда, шеф. Вылазь, сволочь... – Пассажиры выходят.

"И эта тоже не боится. И не заболеет... Одноклеточные почему-то меньше болеют".

Небо с одного края начинает стремительно светлеть. Становятся бледнее огни фонарей, щиты рекламы. Отчётливее проступает архитектура города: старые, довоенной постройки помпезные здания, широкие улицы и проспекты, пересекающиеся под прямыми углами.

Деревья вдоль улиц – толстые опиленные стволы со свежей порослью вверху, во дворах – пышная зелень, похожая на пену, которая вот-вот перельётся за борта, образованные стенами домов, замкнутыми в четырёхугольники.

То тут, то там появляются первые трамваи и троллейбусы, почти пустые в этот ранний час. На крупных перекрёстках жёлтые мигающие огни светофора сменяются на попеременно горящие красно-жёлто-зелёные. Прибавляется машин на проезжей части.

Рядом с крупным гастрономом останавливается серебристо-белая "альфа-ромео". Загорается аварийный сигнал. Лев выходит и направляется к гастроному.

Основная часть магазина отделена решетчатой загородкой, там темно. Ярко освещён винный отдел со стеллажами, уставленными бутылками, и витриной с дежурным набором фасованных в пакеты и банки продуктов.

За прилавком сидит девушка с карандашом в руке, склонившаяся над газетой. В стороне, опершись о колонну, стоит охранник в милицейской камуфляжной форме и наблюдает за действием, происходящим на экране закреплённого под потолком телевизора, из которого доносятся звуки, характерные для не претендующего на гениальность фильма: крики, выстрелы, взрывы, скрип тормозов и тому подобное.

Внутри входит водитель. Охранник лишь мельком удостоверяется в том, что вошедший – обычный покупатель, к тому же, хорошо знакомый, и продолжает с интересом участвовать в киношных событиях: на его бесхитроном лице отражаются перипетии столь же бесхитроного сюжета.

Девушка, узнаёт вошедшего, и, как будто ждала именно его, улыбается. Её лицо преобразуется из уставшего и скучающего над надоевшим кроссвордом в оживлённое и радушно.

– Доброе утро.

– Доброе.

– Вам как всегда? – И она, не дожидаясь ответа, выходит из-за прилавка и скрывается в тёмной части магазина.

Выйдя оттуда, она кладёт перед ним пакет молока и плетёную булку с маком, обёрнутую целлофаном. Включает кассу и выбивает чек.

- Не хотите свежей ветчины? Очень вкусная – я уже попробовала.
- Правда, вкусная?
- Правда-правда.
- Беру.

Девушка достаёт с витрины пакет с нарезанной ветчиной, снова пробивает чек. Ей явно не хочется расставаться с покупателем, но повода задерживать его больше нет.

А сам покупатель не намерен задерживаться. Он расплачивается и, улыбнувшись продавщице, кивком головы благодарит её и выходит.

Она провожает его художавую ссутуленную фигуру взглядом до двери, смотрит в стеклянную витрину. Видит, как он, сев в машину, снимает "гребешок", отключает аварийные огни и трогается с места.

Она ещё долго смотрит за стекло, но уже не на то, что можно увидеть глазами.

Через несколько метров машина сворачивает в арку, едет по засаженному старыми деревьями двору и останавливается у подъезда.

Над дверью всё ещё горит фонарь, хотя нужды в нём уже нет – утро вступает в свою силу.

Выйдя из машины с пакетами под мышкой, и, нажав на кнопку брелока, Лев включает сигнализацию. Машина мелодично пискнув, отпускает своего хозяина на отдых.

Он открывает кодовый замок и входит в просторный гулкий подъезд. Широкие лестницы с ажурными решётками, старый лифт – за решётчатой же дверью.

В глубине парадного – стол, на нём лампа с абажуром, рядом тахта. На тахте, прислонившись к спинке, дремлет над книгой пожилая женщина.

Услышав стук двери, она просыпается и кивает вошедшему:

- Доброе утро, Лев Сергеевич. Вам телеграмма, поздно вечером принесли. Вот.
- Спасибо, Елена Марковна.

Зажав сложенный вчетверо листок губами, он поднимается к лифту, одновременно нащупывая в связке нужный ключ.

– Как работалось? – Вахтёрша не прочь бы немного поболтать с этим милым мужчиной, но, зная его немногословность, не ждёт ответа, а сама отвечает за него новым вопросом-утверждением: – Ездоков, поди, немного – начало недели...

Но Лев неожиданно останавливается, поворачивается к ней и говорит:

– Ездоков всегда достаточно, Елена Марковна. – Помолчав немного, решается на вопрос: – Елена Марковна, вы в бога верите?

Женщина удивлена, оживает, приготовившись к разговору.

– В бога?.. Что это вы, Лев Сергеевич, какой бог? Человек – вот бог. Каждый сам себе бог. Двадцать первый век на носу, а вы – бог!.. Это всё от нечего делать... Бог... Народ как с ума свихнулся – в церковь попёр. Космос, атом, человека вон в пробирке выращивают... Бог! Что это с вами? Вы ж образованный человек...

Разговора не получается. Монолог повисает в воздухе. Лев, опустив голову, идёт к лифту, открывает дверь.

– Всего доброго, Елена Марковна.

Елена Марковна, поняв, что перегнула и упустила случай поточить лясы, спохватывается:

– Погодите, Лев Сергеевич, а что это вы вдруг?..

Но тот уже захлопнул лифт, и светящаяся кабина медленно ползёт вверх.

Лев, открыв большие двойные двери, входит в просторную прихожую и включает свет.

Слева – вешалка, на ней зонт, плащ, куртка. Под вешалкой, на темном пыльном паркете – несколько пар мужской обуви. Справа, дальше от двери – старый комод со стопкой газет и журналов, телефонным аппаратом старого, довоенного образца. За ним – стеллаж до потолка, заполненный книгами и толстыми литературными журналами, расставленными по годам. Над комодом зеркало с двумя бра по сторонам. На комодe слой пыли, только на ближнем к двери углу она свезена: видно, что этим углом пользуются. Сюда Лев и кладёт ключи, продукты и сложенный листок.

Он переобувается в домашние тапки, берёт с комода продукты. Передумав, снова кладёт их на место и, распечатав телеграмму, монотонным голосом произносит по слогам:

"Бу-ду про-ли-отом пи-атни-тсу поздра-вли-аю ли-ена.

Ленка летит из Рима... Вот и славно. Анна будет рада... А я хоть уборку сделаю."

Он проводит ладонью по нетронутой пыли, отряхивает её и долго смотрит на календарь рядом с зеркалом: на фоне оранжевого заката Колизей и цифры – 1995.

«Пятница... пятница у нас через три дня...»

Лев берёт пакеты и идёт в кухню. Там – следы лёгкого невнимания к порядку, как и в прихожей.

Просторная кухня обставлена старой и современной мебелью вперемешку. В ней уютно от обилия зелени на широком подоконнике и разнообразных ярких предметов и деталей.

Лев кладёт продукты на стол, наливает в чайник воду, ставит его на плиту и выходит.

Он стоит в ванне, подставив лицо колючим струям. В его сознании возникает картина: под душем он и женщина с мокрыми тёмно-рыжими волосами; они целуют друг друга и ласкают – без страстных порывов – нежно и немного лениво; по всему видно, что это занятие им никогда не надоест.

Раздаётся звонок в дверь. Лев возвращается в реальность, накидывает на мокрое тело халат и выходит в прихожую.

– Кто там?

– Телеграмма.

Лев расписывается и закрывает дверь. Возвращается в ванную, садится на угол стиральной машины, распечатывает и читает:

"Поздравляю нашим днём люблю люблю люблю твоя белка".

Рука с листком бумаги опускается. Он смотрит прямо перед собой пустым взглядом.

Свистит чайник. Лев встаёт, роняет на машину телеграмму и идёт в кухню. Снимает с плиты чайник, смотрит на него, пожимает плечами и, выключив плиту, ставит на стол рядом.

Он сидит в кухне за круглым столом с яркой клетчатой скатертью, над столом – большой лоскутный абажур. Налив в стакан молока, отхлёбывает его без аппетита и закусывает плетёнкой, которую отламывает небольшими кусками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.